

Мумия некоторое время молчала, а затем покачала головой. Ли Синь только собрался выдохнуть с облегчением, как почувствовал, что тот выводит пальцем на его ладони: «Бешенство длится уже месяц, в мозге произошли необратимые изменения, постоянно мучают слуховые галлюцинации, память утрачена».

Ли Синь на мгновение замер. Значит, Мумия — не обязательно старик, а человек на грани смерти? Неудивительно, что Система предупреждала: если не активировать режим самоспасения, вероятность гибели обоих составит сто процентов, а с его активацией у Мумии оставалось лишь пятьдесят.

На душе стало тяжело. Новый знакомый, к которому он успел проникнуться симпатией, оказался смертельно больным.

Может, та почти разложившаяся кожа, которую он увидел при первой встрече, была следствием повреждений в состоянии бешенства? Но ведь прошло столько времени, новых ран нет — значит, всё должно было зажить?

На лбу Мумии висели рваные полоски ткани. Ли Синь протянул руку, чтобы снять их, но Мумия инстинктивно воспротивился. Однако, услышав мягкий голос Ли Синя: «Я хочу взглянуть на твои раны», — он замер. Его пальцы едва коснулись запястья Ли Синя, он не решился схватить его, лишь крепко сжал кулаки.

Полоска ткани упала. Под ней по-прежнему была сплошная рана, лица под которой невозможно было разглядеть. Ли Синь, не желая верить, размотал повязки на руках — та же картина: кровавое месиво. На самом деле эти полоски не были тканью в привычном понимании. Это был высокоэластичный материал, своего рода твердое лекарство для восстановления, которое использовали военные или наемники. Стоило обмотать им тело, как рана начинала автоматически поглощать препарат. Когда кожа срасталась, лекарство полностью впитывалось, и повязки не нужно было снимать. Обычно их использовали для глубоких ран, требующих наложения швов. В нормальных условиях всё должно было зажить за несколько дней. Но раны Мумии не впитывали лекарство — повязки лишь скрывали ужасающий вид его тела.

Ли Синь едва не заплакал. Если даже передовые медицинские технологии будущего не могли исцелить Мумию, неужели он безнадежен? На этой планете ссыльных, забытой всем человечеством, был лишь один человек, с которым он мог разделить одиночество, и тот мог вскоре покинуть его. Ли Синь не мог с этим смириться.

Видя, как Ли Синь страдает, Мумия молча вернул «Муси» на место, чтобы вид его ран больше не пугал парня. Он осторожно обнял Ли Синя, прижимая его к себе. Ему тоже было больно видеть мучения Ли Синя, и он похлопал его по спине, надеясь хоть немного успокоить.

На самом деле у Мумии было странное предчувствие: это не психическая мутация, а раны — не следствие бешенства. Но стоило попытаться вспомнить, как в голове снова начинал звучать тот ужасающий голос, заставляя отступить. Он чувствовал, что не умрет, — и это не было

самообманом, это было твердое внутреннее убеждение.

Они долго сидели в обнимку, пока эмоции постепенно не улеглись. Ли Синь не плакал, хотя глаза покраснели. Он взял забинтованную руку Мумии и серьезно произнес:

— Меня зовут Ли Синь. Я... можно я буду называть тебя по-своему?

Тот медленно кивнул. Он уже не помнил своего настоящего имени, так что Ли Синь мог звать его как угодно.

Ли Синь горько усмехнулся. С фантазией у него было туго, и в голову пришло лишь одно имя — А-Му.

А-Му удивился: долгие годы стерли из памяти значение этого слова, и он не понимал, что оно значит. Но раз он весь обмотан «Муси», возможно, Ли Синь придумал имя, глядя на него.

Впрочем, довольно точно.

А-Му кивнул, и Ли Синь улыбнулся. Он решил во что бы то ни стало сопровождать А-Му до самого конца.

После ужина питательной смесью Ли Синь принялся за практику игры на пипе. Сегодняшнее выступление ясно дало понять: он всё еще на начальном этапе. Без режима наставничества уровня мастера он не привлечет ни единого фаната. Послушав по-настоящему виртуозную игру, он понял, что его прежние переработки поп-музыки — просто мусор. Он пытался адаптировать мелодии, не имея глубины понимания, и в итоге получал нечто невразумительное.

Он походил на человека, который еще не научился ползать, но возомнил, что бежит быстрее всех, — нелепое зрелище.

Чтобы по-настоящему овладеть инструментом, нужно начать с основ — с нотных партитур.

Те две, что подарила Система, кардинально отличались от того, что он пытался играть раньше. Это были партитуры, написанные с учетом всех особенностей инструмента: древние иероглифы, вертикальные столбцы, сложная структура. К счастью, Система заботливо добавила пояснения в виде привычных нотных линеек и цифр, чтобы Ли Синь мог во всем разобраться.

Только взглянув на бескрайний океан музыки, он осознал собственную ограниченность. Всю ночь Ли Синь не сомкнул глаз, вглядываясь в парящую перед ним панель Системы.

Обе партитуры были до последней ноты запечатлены в его памяти.

Это молодое тело было куда выносливее прежнего, человеческого. Оно могло не спать трое суток и не чувствовать усталости. На следующее утро Ли Синь бодрым встал, умылся, поел и, немного подумав, остановил А-Му, который собирался завести флайер.

— Сегодня никуда не поедем, — легко сказал Ли Синь. — Кто хочет хорошо работать, должен сначала наточить инструмент. С тем уровнем, что у меня сейчас, я вызову лишь насмешки. Лучше как следует потренироваться.

Система подгоняла его к успеху, а не к уличным выступлениям. Минута на сцене требует десяти лет подготовки. Пока он усердно тренируется, Система не посчитает это бездельем.

Уличный музыкант (часть 12)

Как и ожидал Ли Синь, Система не стала чинить препятствий. Она прекрасно понимала, что даже для уличного выступления нужны навыки, а Ли Синь пока что был лишь зеленым новичком.

Поскольку площадка была превращена А-Му в сплошные рытвины, робот G-23, прибывший для обслуживания городской инфраструктуры, пришел в состояние тревоги высшего уровня. Однако, не обнаружив виновника после долгого сканирования, он выписал штраф, основываясь на данных тестирования. Сумма была астрономической — хватило бы на покупку дома на планете Эмир. У обычных жителей таких накоплений не было.

А-Му, однако, спокойно оплатил штраф наличными. Он словно фокусник достал из-за пазухи увесистую пачку купюр. G-23, никогда не встречавший столь щедрых плательщиков, даже перезагрузился, прежде чем принять деньги. После этого он отправил отчет о повреждениях руководству — такие разрушения G-роботы починить не могли. Пока не прибыли высококвалифицированные строители, оба виновника поспешно ретировались. В конце концов, шум стройки мешал Ли Синю практиковаться.

На флайере они быстро добрались до другого ангара за несколько тысяч километров. Там было всего пара бродяг, которых А-Му тут же прогнал. Ли Синь больше не чувствовал неловкости: если у А-Му случится приступ, эти бедняги всё равно погибнут, так что лучше им найти другое место.

Музыка принадлежит всем, но тяжелый труд — только тебе. В такой тишине было идеально тренироваться. Как бы плохо он ни играл, слышал это только А-Му.

Сначала Ли Синь пытался скрывать свою технику, то становясь увереннее, то срываясь на скрипучие звуки. Он не хотел играть Сяо Байцай и Вечернюю песню рыбацкой лодки, но других партитур у него не было. Впрочем, раз это А-Му, какая разница? Если возникнут вопросы, Ли Синь был готов довериться ему.

Но А-Му не спрашивал. Услышав в исполнении Ли Синя Сяо Байцай, он лишь одарил его

озадаченным взглядом, но промолчал, продолжая внимательно слушать. Хорошо или плохо — неважно. Пока он слышал музыку Ли Синя, он мог контролировать себя.

Целый месяц Ли Синь мучил эти две мелодии, пока они не начали вызывать у него тошноту. А-Му же слушал их с неизменным вниманием. Он замечал, как с каждым разом техника Ли Синя становится чище. И каждый раз, когда Ли Синь играл спокойно, сердце А-Му наполнялось миром, а разум брал верх над безумием.

Спустя месяц техника Ли Синя, хоть и не дотягивала до уровня мастера, стала вполне приемлемой для обычного слушателя. Фанатов за этот месяц, вероятно, поубавилось, но Ли Синь сохранял спокойствие.

Его тело и пальцы полностью синхронизировались. Обычный человек не достиг бы такого прогресса и за год.

Ли Синь знал — это заслуга Системы. Основы игры на пипе были его главным козырем, но без упорства он не смог бы довести навыки до совершенства.

Система: Уровень владения пипой — 40. Уровень: средний. Получена техника игры на пипе: средний уровень. Подарочная партитура: Хайцин ловит лебедя. Текущее число фанатов: 298. Число цветов: -7325. Путь в тысячу ли начинается с первого шага. Успех требует прочного фундамента. Хозяин, вперед!

Получив уведомление, Ли Синь обрадовался. Но постой... он давно не заглядывал в статистику. Почему число цветов ушло в глубокий минус? Неужели кто-то забросал его кирпичами? Но число кирпичей — ноль!

Рядом с числом цветов стояла пометка. Ли Синь стиснул зубы и прочитал: «В режиме самоспасения число цветов обнулено, включая аванс заработной платы водителя за год в размере десяти тысяч цветов. Если через год водитель будет рядом, долг аннулируется. Зарплата начисляется ежедневно. Если водитель уйдет раньше, остаток суммы считается долгом Хозяина, который необходимо погасить».

Ли Синь: «...»

Оказывается, обнуление включало и будущие доходы. Он влез в долги, даже не заметив этого. Хорошо хоть, условием самоуничтожения Системы было число фанатов, а не цветов. Иначе он бы точно зарыдал. Теперь он понял, для чего нужны цветы: это не только показатель популярности, но и валюта для обмена с Системой. Например, активация режима самоспасения была именно таким обменом.

Вспомнив о режиме самоспасения, Ли Синь задался вопросом: если любая музыка успокаивала А-Му, почему Система выбрала именно Биму — такую двусмысленную мелодию? Он покраснел до корней волос, вспомнив тот риск потери девственности и прочие постыдные детали.

Воспользовавшись тем, что А-Му ушел за покупками, он нашел в панели поиска запрос режима самоспасения.

Система тут же выдала: «Режим самоспасения активируется при угрозе неестественной смерти. Стоимость — один миллион цветов. Если баланс недостаточен, он обнуляется, а разница записывается как долг. Режим можно использовать один раз на каждом уровне. Текущий уровень — уличный музыкант-нищий — использован».

Ли Синь понял: это был его шанс на выживание. Внизу было еще много текста:

«Ограничения режима:

1. Только музыка может спасти жизнь.
2. Система подбирает музыку и инструмент, используя функцию мастер-помощи, до тех пор, пока угроза не будет устранена».

«Подбирает по ситуации»? Тогда почему Биму?! Ли Синь в ярости читал дальше:

«Примечание: при первом использовании враг находился в состоянии маниакального возбуждения и испытывал сильное чувство собственности. Согласно расчетам Системы, для спасения была выбрана мелодия Биму, помогающая Хозяину выразить решимость не расставаться».

Ли Синь: «...»

Он глубоко вдохнул и выдохнул. Он не злится... ну как тут не злиться?! Есть же куча песен о дружбе и преданности! Зачем выбирать именно Биму? Оценка: неуд!

К сожалению, обратной связи у Системы не было. Ли Синь лишь мог выпустить пар. В конце концов, он не мог ее удалить — слишком уж полезной была функция обучения.

Вскоре вернулся А-Му. В последнее время закупки были на нем. Система засчитывала купленные им вещи как погашение долга Ли Синя, иначе одной зарплаты не хватило бы. Ли Синь понятия не имел, сколько наличных спрятано в пространственной цепочке А-Му. На Эмире даже самая дешевая каморка стоила миллион звездных кредитов. А компенсация за ремонт площадки была эквивалентна стоимости ста квадратных метров жилья. Ли Синь поражался такой сумме. И главное — кто в Империи Звездного Союза, где все пользуются терминалами, носит с собой столько наличных?

Тот, кто не может пользоваться терминалом. Тот, у кого он постоянно ломается. Другими словами — человек, занятый опасной работой.

Ли Синь боялся, что если А-Му пойдет оформлять документы, его могут узнать враги. А-Му и сам не проявлял такого желания. Так что они оба оставались «невидимками». К счастью, у А-

Му были деньги, иначе Ли Синь давно бы умер с голоду.

Наблюдая, как А-Му достает дорогие питательные продукты, Ли Синь подумал: а не на содержании ли он у А-Му?

Так и есть. Без А-Му он бы уже давно исчез. Что ж, за каждым успешным мужчиной стоит... другой мужчина.

Ли Синь решил, что завтра выйдет на улицу, чтобы заработать хоть что-то — хотя бы на подарок для А-Му.

— Зачем ты так тратишься? Это же очень дорого, — Ли Синь взял еду, чувствуя голод и глубокую благодарность.

На Эмире, минеральной планете, зелени почти не было. Империя не предоставляла натуральную еду, только питательные смеси, поэтому продукты были контрабандой и стоили безумных денег.

А-Му ничего не ответил, лишь протянул ему фрукт, похожий на яблоко. Этот человек был слишком слаб. А-Му боялся, что из-за долгого питания смесями желудок Ли Синя атрофируется.

Однако Ли Синь оказался еще слабее, чем думал А-Му. Два с половиной месяца на смесях сделали свое дело: съев всего одно яблоко, он почувствовал острую боль и его начало рвать. Вскоре из-за отсутствия желчи начались мучительные сухие позывы.

Кремниевые формы жизни могли не есть сто лет, но Ли Синь был углеродным организмом. У него не было лекарств. А-Му, прижимая к себе бледного, измученного Ли Синя, чувствовал себя ужасно. Он винил себя: почему не купил еду раньше? Почему не заставлял его пить больше воды?

Из-за их общей ошибки Ли Синь страдал весь вечер и половину ночи. Наконец, А-Му осторожно взял его на руки, поцеловал в лоб, подхватил пипу и вышел из ангара.

Нужно найти врача!

Уличный музыкант (часть 13)

В высокотехнологичном будущем многие болезни, которые когда-то считались смертельными, лечились покупкой дешевого препарата в автомате. Но такие вещи, как слабость желудочно-кишечного тракта из-за долгого голодания, просто не существовали. Автоматы не могли помочь. Нужно было искать живого врача.

Жители Эмира в основном были сосланы сюда в шестнадцать лет, особого образования не имели, медицина была в зачаточном состоянии. Жизнь здесь не стоила гроша, и если врача не было — люди просто жили, пока могли.

<http://bllate.org/book/21290/2158742>